«МЯГКАЯ СИЛА» И «УМНАЯ ВЛАСТЬ»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Посвящается 25-летию Института философии и права Уральского отделения РАН

УДК 141.411

О.Ф. РУСАКОВА, Д.М. КОВАЛЕВА

В последние годы немногие научные концепты вызвали в академических и политических кругах такой же большой интерес, как «мягкая сила» (soft power) и «умная власть» (smart power).

Впервые термин «soft power» был введен в лексикон американским исследователем Дж. Наем в 1990 г. [13]. В своей наиболее известной работе «Soft power: the means to success in world politics», изданной в 2004 г. (в русском переводе книга вышла под названием «Гибкая власть: средства достижения успеха в мировой политике») исследователь определял soft power как способность добиваться того, что тебе нужно через привлекательность (attraction) более, чем через принуждение или плату. По Дж. Наю, «мягкая сила» изначально опирается на три ресурса: культуру (в тех ее частях, которые привлекательны для других), политические ценности (когда они жизнеспособны как внутри страны, так и за рубежом), внешнюю политику (когда она легитимна и моральна) [14, с. 11].

«Мягкой силе» как ресурсу и инструменту власти противопоставляется «жесткая сила» (hard power). К ресурсам hard power относятся военная мощь, экономические санкции, дипломатическое давление. Инструменты hard power – диктат, угрозы, принуждение, подкуп.

Необходимо отметить, что идея использования в целях властвования привлекательных образов в противовес грубому насилию не нова. Ее можно встретить у различных мыслителей прошлого (учения древнекитайского философа Лао-Цзы, учение о гегемонии А. Грамши и других). Однако считается, что именно Дж. Най на протяжении многолетней работы над концептом soft power дал его развернутую характеристику, обосновал важность использования стратегии «мягкой силы», а также активно способствовал введению данного концепта в теоретический и практический обороты.

Ученые США, Китая, Японии, Кореи и других стран в последние годы стали активно заниматься теоретическим истолкованием концепта «мягкой силы», оценкой его когнитивного и политического потенциала для формирования стратегии государственного развития.

В России концепт «мягкой силы» вошел в состав современного политического дискурса совсем недавно. Между тем, на сегодняшний день уже сложился круг авторов, сделавших концепт soft power специальным предметом своих исследований. В числе трудов на данную тему – работы В.М. Капицына [1], М.М. Лебедевой [4], Е.Г. Пономаревой [6], О.Ф. Русаковой [7], О.В. Столетова [8] и др. В настоящее время в МГИМО (Москва) и в Институте философии и права УрО РАН (Екатеринбург) формируются научные центры по изучению soft power.

Российскими исследователями ведется поиск концептуального ядра «мягкой силы», выявляются препятствия на пути использования стратегии soft power в политических практиках. Характерно, что в некоторых статьях (см., например, В.М. Капицын [1]) «мягкая сила» оценивается не как механизм, которым Россия уже овладела, а как угроза, исходящая от Запада и ряда восточных государств. Кроме того, подчеркивается необходимость восстановить влияние России в странах бывшего СССР (поддержка интереса к русскому языку и культуре – см. Г.Б. Касирин [2]).

Данный термин встречается в «Концепции внешней политики РФ» от 12 февраля 2013 г. В ней «мягкая сила» определяется как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [3]. Положительным моментом является

*Статья подготовлена при поддержке Уральского отделения Российской академии наук в рамках конкурсных программ фундаментальных научных исследований: проект № 12-У-6-1002.

осознание того, что совершенствование системы применения «мягкой силы» должно идти не только с учетом международного опыта, но и национальной специфики. Как и любой программный документ, «Концепция...» лишь провозглашает необходимость овладения механизмами «мягкой силы», не раскрывая конкретных шагов. Вместе с тем, прослеживается и негативный посыл, связанный с защитой суверенитета, невмешательством во внутренние дела государств. Речь идет об опасности, исходящей от деструктивного использования «мягкой силы» в целях дестабилизации «обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом» [3].

При анализе исторической динамики соотношения ресурсов «мягкой» и «жесткой силы» в современной литературе принято подчеркивать такой тренд, как уменьшение значения в международных коммуникациях «жесткой силы» и увеличение важности «мягкой силы». Это связывается с тем, что после Второй мировой войны была создана система регулирования международных отношений – ООН, основная цель которой – избавление грядущих поколений от бедствий войны. С этого времени приоритетом развития государства стало повышение собственной конкурентоспособности с использованием преимущественно невоенных методов.

В целом оценки «мягкой силы» и ее вес по сравнению с «жесткой силой» выглядят следующим образом: а) «жесткая» и «мягкая сила» являются полноценными заменителями; б) данные виды силы дополняют друг друга, поэтому их надо использовать комплексно; в) они не заменяют и не дополняют друг друга – их характеризуют сложные отношения, а применять их надо ситуационно, ориентируясь на культурный, поведенческий, национальный контекст. При этом представители конструктивизма и неолиберализма полагают, что в современных условиях глобализации и либерализации гораздо большее значение должна иметь «мягкая сила», а ученые, придерживающиеся реалистической точки зрения, напротив, считают, что опасно переоценивать потенциал «мягкой силы», решающую роль должны играть методы военного и экономического принуждения.

Разные авторы предлагают различные теоретико-методологические подходы к интерпретации концепта soft power. Рассмотрим подробнее взгляды таких исследователей, как Джулио Галларотти (Уэслианский университет, США) и Колина Грея (Университет Рединг, Англия) на проблематику «мягкой силы».

Д.М. Галларотти – профессор, преподаватель колледжа Социальных исследований при Уэслианском университете. К числу последних книг Д.М. Галларотти относятся «Проклятие власти: влияние и иллюзия в мировой политике» (2010г.), «Космополитическая власть в международных отношениях: синтез реализма, неолиберализма и конструктивизма (2010 г.). В своих оценках ресурсов soft power Д.М. Галларотти придерживается космополитической теории власти, основанной на интеграции трех ведущих парадигм международных отношений: реализма, неолиберализма и конструктивизма. Он считает, что изменения в мировой политике подняли ценность «мягкой силы» по отношению к «жесткой силе», а также настоятельно советует лицам, принимающим решения, эффективно использовать «мягкую силу» в международных стратегиях. К.С. Грей, стоя на позициях реализма, очень скептически относится к «мягкой силе» и советует политическим деятелям ориентироваться, прежде всего, на «жесткую силу».

В одной из своих статей [12] Д.М. Галларотти выделяет два основных источника «мягкой силы»:

1) внутренний: культура (ярко выраженная социальная сплоченность, высокое качество жизни, свобода, достаточные возможности, толерантность, притягательный образ жизни) и политические институты (демократия, конституционализм, либерализм, плюрализм, хорошо функционирующее правительство);

2) внешний: уважение международных законов, норм и институтов, поддержка многостороннего подхода, соблюдение международных договоров и союзнических обязательств, готовность жертвовать краткосрочными национальными интересами ради общего блага, либеральная внешнеэкономическая политика).

Автор убежден, что отношения между «мягкой» и «жесткой силой» едва ли простые: они ни идеально заменяют друг друга, ни строго дополняют. Часто они действительно могут усилить или ослабить одна другую. Сильный положительный имидж государства помогает привлечь союзников, которые, в свою очередь, укрепят оборону. Предоставление войск для обороны страны от иностранного вторжения будет спо-

собствовать положительному имиджу государства-защитника. Реалисты убеждены, что серьезный военный потенциал страны может создавать активы «мягкой силы», т.к. он способствует увеличению уважения и восхищения со стороны мирового сообщества. Однако, подчеркивает Д.М. Галларотти, применение «жесткой силы» может способствовать укреплению мягкой силы, только если оно не идет вразрез с либеральными политическими принципами (способствует защите государства от агрессии, поддержанию мира, освобождению от тирании). Кроме того, последствия от применения обоих видов силы детерминированы политическим контекстом.

Растущее значение «мягкой силы», согласно Д.М. Галларотти, определяют следующие обстоятельства: глобализация (характеризуется взаимозависимостью стран, огромной скоростью передачи информации); демократизация и распространение либеральных принципов (не только сами по себе несут приверженность «мягким принципам», но и ограничивают лидеров в использовании силы, подкупа); огромные затраты при использовании ядерного оружия; тяга к процветанию и стабильности современных западных обществ; рост международных организаций, приоритет многосторонности перед односторонним подходом.

Наконец, Д.М. Галларотти советует политикам чаще прибегать к ресурсу «мягкой силы». Он полагает, что необходимо постоянно проводить переоценку текущих государственных стратегий: от механизмов «мягкой» и «жесткой силы», которые плохо функционируют на практике, следует отказываться. «Жесткую силу» надо оценивать особенно трезво, т.к. она может иметь гипнотическое очарование за счет своей материальности. Очень важно судить власть, основанную на результатах, а не на ресурсах. Д.М. Галларотти подчеркивает необходимость учитывать и предугадывать косвенные последствия, возникающие при чрезмерной зависимости от «жесткой силы».

В целом Д.М. Галларотти дает довольно высокую оценку ресурсам «мягкой силы», хотя и подчеркивает непростые отношения между soft power и hard power, говорит о необходимости учета контекста при их применении.

К.С. Грей придерживается иной позиции относительно «мягкой силы»: он предостерегает от переоценки ее потенциала [10]. В различные периоды своей жизни он работал в научных центрах и организациях, занимающихся вопросами военных стратегий и обороны: Международный институт стратегических исследований (Лондон), Национальный институт публичной политики (США), Генеральный консультативный комитет по контролю вооружений и разоружения в администрации Рейгана и др. Это сказалось на научных интересах ученого: К.С. Грей занимается исследованиями ядерных, морских и космических стратегий, контроля над вооружением.

Как исследователь soft power К.С. Грей убежден, что, несмотря на то, что концепт «мягкой силы» превосходно выглядит в теории, на практике он гораздо менее ценен. Данный концепт может ввести в заблуждение политиков и великих стратегов. Так, американская «мягкая сила» – не просто инструмент, а элемент веры, благодаря которому политическим деятелям трудно трезво оценивать ситуацию. Взгляды К.С. Грея представлены следующими тезисами:

1. «Жесткую военную силу» сегодня действительно сложнее применять, чем в прошлом, из-за сравнительно недавно выросшего уважения к универсальным гуманитарным ценностям. Трудность обоснования необходимости использования военных методов увеличилась, но это вовсе не означает, что «жесткая сила» стала анахронизмом. Существуют конфликты, которые не могут быть разрешены дипломатическими или другими невоенными средствами.

2. Сегодняшние политические и иные контексты в будущем могут коренным образом измениться. История не обязательно линейна. Нельзя однозначно утверждать, что военные методы не будут играть значимой роли в будущем.

3. С одной стороны, очень важно, чтобы военные силы применялись в соответствии с разумной интерпретацией принципов «справедливой войны», но с другой, интерпретации данных принципов не должны уничтожать способность государства действовать, когда это действительно необходимо.

4. Недостаток «мягкой силы» как инструмента политики, состоит в том, что ею очень сложно овладеть и контролировать, в отличие от военной силы, которая строго подчиняется центральной власти (американская «мягкая сила» характеризуется независимостью от амбиций политических деятелей). «Мягкая сила» – опасный концепт, т.к. он выглядит гораздо более удобным, чем является на самом деле.

5. При применении мягких стратегий, скорее всего, придется настраиваться на

долгосрочный результат, поэтому их проблематично использовать, когда перед государством стоит необходимость немедленных действий.

6. Локальный контекст (культура, ценности, привычки) накладывает отпечаток на то, как могут быть восприняты те или иные проекты soft power. Нельзя с абсолютной вероятностью предсказать, будут ли стратегии эффективны в том или ином регионе мира.

И К.С. Грей, и Д.М. Галларотти считают, что soft power и hard power не заменяют и не дополняют друг друга. Авторы сходятся в том, что времена действительно изменились: применение «жесткой силы» стало более дорогостоящим и требует серьезных оправданий. Д.М. Галларотти в целом положительно оценивает «мягкую силу», советует политикам чаще принимать ее во внимание, а чрезмерную приверженность к стратегиям hard power объясняет удобством их применения, нежеланием серьезных когнитивных затрат, сложностью овладения новыми «мягкими» инструментами. К.С. Грей, напротив, указывает на серьезные недостатки «мягкой силы». К.С. Грей убежден, что государства, имеющие положительный миролюбивый имидж, должны иметь возможность иногда прибегать к военным инструментам насилия. Не стоит попадать в ловушку добродетели, когда использование «жесткой силы» продиктовано конкретным политическим контекстом.

Представленные точки зрения ученых наглядно демонстрируют повышенный интерес политических и академических кругов к концепту soft power, к его аналитическому и практическому потенциалу. Оба исследователя критически относятся к идеализации данного концепта, указывают на его неоднозначность. Вместе с тем, по нашему мнению, идеи Д.М. Галларотти больше отвечают вызовам нашего времени: в современную эпоху прямое использование «жестких стратегий» для решения задач, отличных от оборонительных, наверняка повлекут за собой осуждение. Существуют ситуации, в которых невозможно обойтись без привлечения «мягкой силы». Так, практика показывает, что демократические ценности, насаждаемые методом принуждения, если не отвергаются, то ведут к созданию исключительно формальных институтов власти. Конечно, не следует абсолютизировать значимость «мягкой силы» в международных отношениях, поскольку степень влияния государства по-прежнему определяется его совокупной мощью, представляющей соединение ресурсов hard power с ресурсами soft power.

Понимание важности комплексного применения «мягкой» и «жесткой силы» для усиления влияния государства в мировом пространстве послужило толчком для разработки нового концепта – концепта smart power, то есть «умной власти».

Одним из авторов концепта «умной власти» является всем хорошо известный по разработке теории soft power Дж. Най. В своем эссе под названием «Умная сила» Най определяет smart power как способность превращать ресурсы «мягкой» и «жесткой силы» в стратегию, ведущую к желаемым результатам в форме предпочитаемого поведения других людей и государств. В качестве политической стратегии «умная сила» дает ответы на пять вопросов. Во-первых, какие цели или результаты являются желаемыми? Во-вторых, какие ресурсы имеются в наличии, и как их наличие может измениться в зависимости от ситуации? Третий вопрос касается положения и предпочтений тех целевых объектов, на которые будет предпринята попытка повлиять. Четвертый вопрос: каковы шансы на успех в том случае, если вы прибегнете к «жесткой», или «мягкой силе», или будете использовать определенную их комбинацию? И, наконец, пятый вопрос: какова вероятность успеха и какими могут быть его последствия? «Здесь нужна осмотрительность, которую реалисты справедливо ставят на первое место в стратегии «умной силы» [5].

Если кратко сформулировать суть стратегии smart power, то она состоит в разумном и предусмотрительном комбинировании и попеременном применении ресурсов «мягкой» и «жесткой силы» с учетом различных обстоятельств.

В своем эссе Най приводит целый ряд исторических и современных примеров успешной стратегической комбинаторики «жесткой» и «мягкой силы», смены их использования как проявлений smart power. Один из таких примеров – умная стратегия Бисмарка. В XIX веке Бисмарк использовал агрессивную военную стратегию, чтобы победить Данию, Австрию и Францию в трех войнах, которые в итоге привели к созданию объединенной Германии. Однако как только Бисмарк добился своей цели, он направил усилия немецкой дипломатии на создание союза с соседними странами для мирного урегулирования конфликтов [5].

В настоящее время концепт «умной власти» положен в основу внешнеполити-

ческого курса нынешнего президента США Б. Обамы. Понятие smart power активно используется в политическом дискурсе его администрации. В официальных американских кругах часто цитируют слова бывшего госсекретаря США Х. Клинтон: «Мы должны использовать то, что получило название "smart power": полный набор инструментов, имеющихся в нашем распоряжении – дипломатических, экономических, политических, правовых и культурных – выбирая правильное средство или их комбинацию для каждой конкретной ситуации» [9].

В последнее время проблемы «умной власти» широко обсуждаются на страницах научных изданий [11], на конференциях и семинарах, проходящих, главным образом, в США. В целях планомерной реализации американской стратегии smart power в 2012 г. в бюджете США были увеличены расходы одновременно на hard power (военный бюджет) и на soft power (расходы на содержание Госдепа, на инициативу в области невоенной стабилизации – Civilian Stabilization Initiative).

Государственная стратегия «умной власти» сегодня берется на вооружение рядом стран Европы, Азии, а также Россией. В настоящее время концепция «умной власти» положена в основу развития российской культурной дипломатии и реализации программ международного обмена образовательными услугами.

В целом, концепт «умной власти» следует рассматривать, с одной стороны, как новый этап в развитии идей «жесткой» и «мягкой силы», а с другой – как теоретическую основу внешнеполитической стратегии государства.

В стратегическом плане *smart power представляет собой искусство политического субъекта грамотно комбинировать элементы «жесткой» и «мягкой силы» в целях усиления собственного влияния в коммуникативном пространстве.*

Методологическим ядром концепта умной власти, на наш взгляд, выступают следующие принципы: 1) принцип диалектического соединения и комбинирования ресурсов hard power и soft power (метод «злого и доброго полицейского»); 2) принцип гибкого контекстуализма, требующий в зависимости от исторического, политического и ситуативного контекстов менять акценты либо в сторону усиления жесткости, либо мягкости; 3) принцип баланса сил, требующий отказа от крайностей в применении инструментов soft power и hard power; 4) принцип синергии, предлагающий использовать элементы жесткого и мягкого влияния таким образом, чтобы в своей стратегической комбинации они могли взаимно усиливать эффективность друг друга.

1. Капицын, В.М. Космополитизм – компоненты «мягкой силы» и глобального управления [Текст] / В.М. Капицын // Обозреватель. 2009. № 10. С. 70–79.

2. Касирин, Г.Б. «Для России приоритет пространства СНГ очевиден...» [Текст] / Г.Б. Касирин // Свободная мысль. 2010. №12. С. 65–76.

3. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс] // МИД России. Официальный сайт. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 07.05.2013).

4. Лебедева, М.М. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России [Текст] / М.М. Лебедева, Ж. Фор// Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 6 (9). С. 200–205.

5. Най, Дж. С.-мл. Умная сила: эссе [Текст] / Дж.С.-мл. Най // Политическая наука, 2012. № 4. С. 179-182.

6. Пономарева, Е.Г. Железная хватка «мягкой силы» [Электронный ресурс] / Е. Пономарева // URL: www.Rustfact.ru/node/6256 (дата обращения: 13.03.2013).

7. Русакова, О.Ф. Концепт «мягкой силы» в современной политической философии [Текст] / О.Ф. Русакова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Выпуск 10. С. 173–192.

8. Столетов, О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: smart power? [Текст] / О.В. Столетов // Полис. 2009. №4. С. 173–178.

9. Clinton, H.R. Nomination Hearings to be Secretary of State [Электронный ресурс] / H.R. Clinton // URL: http: //www.state.gov/secretary/rm/2009a/01/115196.htm (дата обращения: 01.02.2013).

10. Colin, S. Gray Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century [Электронный ресурс] / G. Colin // Strategic studies institute Monograph. URL: http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB1059.pdf (дата обращения: 02.02.2013).

11. Ernest, J. Hard Power, Soft Power, Smart Power [Электронный ресурс] / J. Ernest, Wilson // The Annals of the American Academy of Political and Social Science: Sage, 2008. Feb 13. URL: http:ann.sagepub.com/content/616/1/110 (дата обращения: 13.02.2013).

12. Gallarotti, G.M. Soft Power: What is it, why it is important, and the conditions under which it can be effectively used [Электронный ресурс] / G.M.Gallarotti // Wesleyan University, WesScholar. URL: http://wesscholar.wesleyan.edu/div2facpubs/57/ (дата обращения: 15.03.2013).

13. Nye, J.S. Soft power [Text] / J.S. Nye // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 153-171.

14. Nye, J.S. Soft power: the means to success in world politics [Text] / J.S. Nye // New York: Public Affairs. 2004. 191 p.